

УДК 821.112.2

EDN VBKZHC

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-2-117-129>

Пауль Целан. Поэтическое творчество в свете философии диалога

А. К. Голованова¹, Ю. В. Каминская^{✉2}

¹ Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения
Российской академии наук, 630102, Россия, г. Новосибирск, ул. Восход, д. 15

² Независимый исследователь, Россия, г. Санкт-Петербург

Для цитирования:

Голованова, А. К., Каминская, Ю. В. (2024) Пауль Целан. Поэтическое творчество в свете философии диалога. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 6, № 2, с. 117–129. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-2-117-129> EDN VBKZHC

Получена 25 марта 2024; прошла рецензирование 28 апреля 2024; принята 30 апреля 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. К. Голованова, Ю. В. Каминская (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии ССВУ-NC 4.0.

Аннотация. Представление о лирическом произведении как о монологическом высказывании поэтического субъекта сложилось еще в XVIII в. Однако устоявшегося в теории литературы понимания лирики оказалось недостаточно для дискуссий о поэзии XX века: она отразила кризисы и катастрофы столетия, которые поставили под вопрос все основы человеческого. Соответственно, и привычный антропоморфный поэтический субъект, повторяющий очертания личности, начал трансформироваться. Лишь постепенно ученые переходят к новым моделям интерпретации, в рамках которых рассматривают стихотворение как взаимодействие поэтических голосов. Одним из поэтов, чьи поэтологические представления противоречили устоявшемуся определению лирики, был Пауль Целан (Paul Celan, 1920–1970). Он настаивал на необходимости диалога и, шире, полифонии в стихотворении, которое, согласно Целану, обращено к *Другому* и таким образом преодолевает тотальность монолога. Предтечей для размышлений Целана о поэзии стала философия диалога, в частности, работы Мартина Бубера (Martin Buber, 1878–1965). Объединяя традиции европейской философии и иудаизма, он противопоставлял идеалистическому *абсолютному Я* субъект, существующий исключительно в отношении *Я — Оно* или *Я — Ты*. После Второй мировой войны философию диалога продолжил разрабатывать Эммануэль Левинас (Emmanuel Lévinas, 1905–1995). Согласно Левинасу, основополагающая соотнесенность *Я с Другим* освобождает субъект от претензии на тотальное господство и сохраняет множественность личностей, не растворяющихся в унифицирующем свете Разума. Цель статьи — провести анализ стихотворений Целана в контексте философии Бубера и Левинаса. Интердисциплинарный ракурс позволяет охватить не только проблематику поэтического субъекта и субъектности, но и рефлексию о языке. Для анализа были выбраны стихотворения из сборника «Поворот дыхания» (Atemwende, 1967), поскольку поздний период творчества Целана, когда его письмо стало еще более «темным», изучен значительно меньше, чем его раннее творчество.

Ключевые слова: Пауль Целан, философия диалога, Мартин Бубер, Эммануэль Левинас, немецкоязычная литература, теория субъекта, поэтология

Paul Celan: Poetic creativity in the light of the philosophy of dialogue

A. K. Golovanova¹, Yu. V. Kaminskaja^{✉2}

¹ State Public Scientific and Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 15 Voskhod Str., Novosibirsk 630102, Russia

² Independent researcher, Saint Petersburg, Russia

For citation: Golovanova, A. K., Kaminskaja, Yu. V. (2024) Paul Celan: Poetic creativity in the light of the philosophy of dialogue. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 6, no. 2, pp. 117–129. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-2-117-129> EDN VBKZHC

Received 25 March 2024; reviewed 28 April 2024; accepted 30 April 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. K. Golovanova, Yu. V. Kaminskaja (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. The concept of the lyrical work as a monologue of the poetic subject originated in the 18th century. However, this established understanding of lyricism proved insufficient for discussions of the 20th century poetry, which reflected the century's crises and catastrophes that questioned all the foundations of humanity. Accordingly, the traditional anthropomorphic poetic subject that mirrors the outline of a person also began to transform. Scholars are still in the process of transitioning to new models of interpretation that consider a poem as an interaction of poetic voices. Paul Celan (1920–1970) was one of the poets whose poetological ideas contradicted the established definition of lyricism. Celan insisted on the necessity of dialogue and, more broadly, polyphony in a poem: he argued that a poem is directed towards *the Other* and thus overcomes the totality of monologue. Celan's reflections on poetry followed the philosophy of dialogue, particularly the works of Martin Buber (1878–1965). Combining the traditions of European philosophy and Judaism, Buber contrasted the idealistic *absolute I* with a subject that exists solely as part of the relations *I–It* or *I–Thou*. After World War II, the philosophy of dialogue was further developed by Emmanuel Lévinas (1905–1995). According to Lévinas, the fundamental correlation between *I* and *the Other* frees the subject from the claim to total domination and preserves the plurality of personalities that do not dissolve under the unifying light of Reason.

Keywords: Paul Celan, philosophy of dialogue, Martin Buber, Emmanuel Lévinas, German literature, poetic subject, poetology

Наследие Целана, Бубера и Левинаса в теории поэзии

Традиционно лирику рассматривают как воплощение субъективного и эмоционального высказывания личности в художественной литературе. Соответственно стихотворение предстает, прежде всего, монологически выстроенным произведением. Такое понимание в предельно отчетливом проявлении звучит в формулировках Фридриха Гегеля так: «К эпической поэзии приводит потребность в слышании тех вещей, которые сами по себе развертываются перед субъектом как объективно замкнутая внутри себя целостность. В лирике же удовлетворяется противоположная потребность — высказать себя и воспринять душу в этом ее самовыражении» (Гегель 1971, т. 3, 494). Текст, воспринимаемый как монолог субъекта, не оставляет пространства для других голосов. Сомнительность такого восприятия может показаться очевидной внимательному читателю, однако теории литературы понадобились значительные усилия, чтобы аргументированно и последовательно преодолеть сте-

реотипы, сложившиеся еще в XVIII веке. Постепенно удается осмыслить стихотворный текст как взаимодействие поэтических голосов, не сводимое к антропоморфному образу, который мог бы угадываться при традиционном чтении и повторять привычные очертания человеческой личности, высказывающейся о себе*.

Ученые из разных стран движутся к пониманию поэтического многоголосья разными путями и, встречаясь на международных конференциях, делятся находками и совместными усилиями пытаются привести складывающиеся представления в соответствие друг с другом, что необходимо для обеспечения общего научного дискурса. Заметными вехами на этом пути для русско- и немецкоязычной науки стали конференции, важную роль в организации которых сыграла славистка. Перечислим доклады профессора Трирского университета, доктора филологических наук Хенрике Шталь: «Поэзия на переломе. Основные тенденции после 1989 г.

* См. цикл лекций Ю. В. Каминской «Поэзия. Теории и интерпретации» (2023) для лектория «Teach-in. Открытые видеолекции учебных курсов МГУ» (Каминская 2023).

в России и Германии» (26.05.2013–30.05.2013, РГГУ, Россия), «Теория субъекта и современная поэзия в России и Германии» (2.11.2015–05.11.2015, Трирский университет, Германия) и «Субъект & лиминальность» (6.07.2017–10.07.2017, Трирский университет, Германия). Некоторые отчетливо зафиксированные результаты обсуждений, состоявшихся в рамках тематических встреч германских и российских ученых, содержит обширный том «Писать стихи в эпоху перемен. Основные тенденции поэзии после 1989 г. в России и Германии» (Stahl 2016), а также многочисленные публикации исследовательской группы *Lyrik in Transition* / «Поэзия в переходный период», которая объединила усилия ученых из разных стран с 2019 по 2022 год.^{*} Необходимость продолжать усилия, нацеленные на исследование поэзии, сохраняется и сегодня, побуждая обращаться к художественному материалу, способному внести больше ясности в постепенно складывающиеся современные представления о стихотворном наследии.

Литература и философия XX века и нашего времени движутся тем же путем, что и наука, становясь существенным подспорьем для теоретических размышлений о словесности. Одним из важнейших авторов в этом процессе стал немецкоязычный поэт и переводчик Пауль Целан (1920–1970), поэтологические высказывания которого вступают в явное противоречие с традиционным пониманием лирики. Согласно его представлениям, сформулированным в эссе «Меридиан» (1960) и других работах, стихотворение обращено к *Другому*, тянется к нему, ищет встречи (Целан 2013, 430). Одним из источников, который подпитывал рефлексию о *Я* и его соотнесенности с *Другим* в поэтологии Целана, стала философия диалога, в частности, работы ее основоположника Мартина Бубера (1878–1965). Целью статьи является анализ стихотворений Целана в свете философии диалога.

Мартин Бубер объединил немецкую философскую традицию и религиозную веру как стремление «к абсолютному доверию непостижимому» (Померанц 1995, 6). Бубер различал два возможных отношения *Я* к *Другому*, два «основных слова» (Бубер 1995, 16). Первое слово *Я — Оно*, где *Оно* — это познаваемый, пригодный для практического использования объект опыта, вторичный по отношению к субъекту. Второе слово *Я — Ты*, «которое может быть сказано только всем существом» (Бубер

1995, 18), в котором вместо объективации и разделения происходит само отношение, взаимное воздействие друг на друга, а *Ты* открывается в своей исключительности. По Буберу, субъект не предшествует отношению, а возникает и существует в нем, поэтому *Я* основных слов отличаются друг от друга. В «мире *Оно*» *Я* существует «как вещь среди вещей» (Бубер 1995, 19), и лишь в обращении к *Ты* *Я* становится *Я*. Бубер назвал слово *Я* «шибболетом человечества» (Бубер 1995, 53): различие в том, какое основное слово в данный момент соответствует этому *Я*, определяет возможность жизни, как ее предопределяло «правильное» произнесение слова «шибболет».

Ты невозможно свести к опыту: в нем всегда остается тайна, темнота, речь *Ты* как *Другого* «является из мрака» (Бубер 1995, 39). Отношение *Я — Ты* — это вхождение в непредсказуемый, непредвосхищенный, всегда ненадежный мир, который открывается за пределами причинности и привычных пространственно-временных отношений в пространстве свободы. Устремленность к неизвестному, диалогическая обращенность к *Ты* предшествует восприятию его как объекта (Бубер 1995, 31–34). *Я* обнаруживает себя как «неизменного партнера» (Бубер 1995, 32) в череде встреч, которые и составляют «действительную жизнь» (Бубер 1995, 21): как ответ на обращение *Ты* в человеке возникает Дух (Бубер 1995, 37). Наконец, каждый диалог устремлен к *Вечному Ты* как к недостижимому адресату и как к возможной целостности мира, которая включает двойственность *Я* и *Ты*, не поглощая ее (Бубер 1995, 49).

Различие между «основными словами» порождает и отличающуюся темпоральность. Отношение *Я — Ты* — это воплощенное присутствие, *Ты* предстоит *Я*: «действительное и наполненное настоящее есть лишь постольку, поскольку есть действительность протекания настоящего, встреча и отношение. Настоящее возникает только через длящееся присутствие *Ты*» (Бубер 1995, 22). Эта встреча вбирает в себя противоречия, которые невозможно превратить в опыт, единство которых нельзя постичь разумом, но можно прожить. *Я — Ты* — это вера в будущую встречу. Основное слово *Я — Оно*, напротив, зафиксировано и потому замкнуто в прошлом: «Объект — это не длительность, но остановка, прекращение, оторванность, самооцененение, отделенность, отсутствие отношения, отсутствие присутствия» (Бубер 1995, 22). Встреча *Я — Ты* неповторима и неизбежно переходит к субъектно-объектному отношению *Я — Оно*, однако всегда остается надежда

^{*} См. данные о работе Центра перспективных исследований «Поэзия в переходный период» на русском и немецком языках (Poetry in Transition... 2022).

на новые встречи: смысл *Оно* сохраняется в его возможности вновь и вновь становиться *Ты* (Бубер 1995, 37).

Философское переосмысление субъективности и субъектности Бубер неразрывно связывал с рефлексией о языке: в трактате-поэме «*Я и Ты*» он обозначил отношения как основные слова. Роль языка двойственна: это и медиум диалога, и инструмент, превращающий *Ты* из адресата в объект. «Лишь безмолвие, обращенное к *Ты*, лишь молчание всех языков, безмолвное ожидание в неоформленном, в неразделенном, в доязыковом слове оставляет *Ты* свободным, пребывает с ним в потаенности, там, где Дух не обнаруживает себя, но присутствует. Всякий ответ вплетает *Ты* в мир *Оно*» (Бубер 1995, 37).

Все же, по Буберу, возможно живое «изреченное слово», которое он описал в одноименной статье (Бубер 2008, 19–26). Предпосылкой для его возникновения служит воля к коммуникации (Бубер 2008, 20). Язык, согласно Буберу, диалогичен: для возникновения мысли и слова необходима инаковость, напряжение возможного непонимания. Слово изначально направлено, интенционально, даже если адресат неконкретен. Живая речь порождена многозначностью слов и плодотворным непониманием, которое из нее следует (Бубер 2008, 22–23). Несмотря на то, что статья «Изреченное слово» — работа 1960-х годов, написанная и опубликованная после двух мировых войн, в ней отчетливо звучит надежда на диалог: «...во тьме мира, ставшего духовно бесплодным, еще найдутся по крайней мере те двое, которые смогут, творчески черпая из достояния языка, сказать друг другу о совместном страдании» (Бубер 2008, 20). Возможность такого общения для Бубера дает поэтическая речь, близкая к «гласу» (Бубер 2008, 25).

После войны философские представления о диалоге разрабатывал Эммануэль Левинас (1906–1995), мыслитель, который провел пять лет в немецком лагере (Беневиц 1998, 11). Как и Бубер, он продолжил объединять традиции европейской философии и иудаизма. Для Левинаса вопрос о возможности диалога подразумевал преодоление тотальности, тотализации бытия, господства Разума, уничтожающего отличия между личностями. Цель одной из ранних работ «Время и другой» Левинас обозначил так: «...утверждение множественности, не допускающей слияния в единство» (Левинас 1998, 26). Он противопоставил этот принцип диалектике Гегеля, в которой антитезис лишь предшествует синтезу (Левинас 1998, 26).

По Левинасу, *Я* исходит из анонимного бытия, из «il y a». Субъект проявляет при этом свободу начала, но тут же оказывается в плену у несвободы самотождественности, необходимого совпадения *Я* с *Самим Собой* (Левинас 1998, 43–44). Разум не способен спасти человека из этого одиночества, поскольку он претендует на всеобщность знания. Левинас использовал традиционную со времен Просвещения метафору «света разума», обнажив ее оборотную сторону: беспредельность света «ни для чего не оставляет возможности остаться вне него. Вот почему разум не может встретиться с другим сознанием и поговорить с ним» (Левинас 1998, 59). Власть над внешним миром исключает встречу с равным себе *Я*, окружая субъект объектами. Объективность, таким образом, становится синонимом субъективности. По Левинасу, это и есть воплощение новоевропейского идеализма.

Противоположность свету, ясности — тайна, с которой человек сталкивается, когда приближается смерть. По Левинасу, приближение смерти повергает субъект в пассивность, лишает его субъектности (Левинас 1998, 68) и в то же время открывает будущее как неведомое, непредсказуемое, завладевающее субъектом. Вне встречи с нетождественным субъект замкнут в настоящем, как в своем одиночестве.

Левинас, как и Бубер, разделял два типа отношений, в которые вовлечен субъект: объективирующее отношение власти, приводящее к одиночеству, и отношение с *Другим*, при котором возникает событие (Левинас 1998, 76–77). По Левинасу, «эта ситуация, а именно: с субъектом происходит событие, а он не берет его на себя, ничего сам не может мочь, хотя некоторым образом к нему обращен, — есть отнесенность к другому, непосредственно к другому (*le face-a-face avec autrui*), встреча с лицом, одновременно открывающим и скрывающим другого» (Левинас 1998, 79). Эта межсубъектная связь открывает для субъекта будущее (Левинас 1998, 81).

Для описания этой связи Левинас ввел термин «лицо», который определял апофатически, перечисляя то, чем оно не является. Лицо — воплощение инаковости *Другого*, не сводимое к пластической форме, к видимому. Оно не является для субъекта ничем из того, что он может уловить, осветить (Waldenfels 2004, 66–67), оно появляется и при этом отсутствует, оно «возвещает» о смерти, которая всегда вписана в него (Евстропов 2010, 103). Лицо выражает само себя, «лицо говорит», впервые порождая речь и смысл, обозначая присутствие фиксирующего взгляда

(Левинас 2000, 100). При этом важно не то, о чем лицо говорит, но прежде всего сам факт говорения. Это обращенность, вызов, зов, приказ, в языковом воплощении — императив, вокатив, личные местоимения (Waldenfels 2004, 69). Вызов звучит в неустранимой инаковости *Другого*, которая непереводаема на язык субъекта.

Для Левинаса значим сам факт обращения к собеседнику, факт того, что речь произносятся, то есть подчеркнутая диалогичность слова: «Отдельное бытие — самодостаточно, автономно и вместе с тем ищет *другого*, но его поиск не подгоняется ни нехваткой, ни памятью об утраченном благе; подобная ситуация — это ситуация языка» (Левинас 2000, 97). Присутствие, встреча порождают не только движение времени, но и борьбу с прошлым за актуализацию слова, за высказанное слово против слова записанного (Левинас 2000, 103). Язык при таком разговоре — это не готовая система знаков, но поиск общего плана и, следовательно, поиск иного, «чистый опыт, повергающий в изумление», поскольку язык — это отношение двух свободных существ (Левинас 2000, 106).

Поэзия Целана как встреча голосов

Пауль Целан определял поэзию 1963–1965 годов, вошедшую в сборник «Поворот дыхания» (Atemwende, 1967), как наиболее плотное и наиболее всеобъемлющее (das Dichteste, das Umfassendste) (May 2012, 90) из того, что он создал. Стихотворение этого периода нередко сжимается до сложного предложения, любая окончательная интерпретация которого невозможна (Rychlo 2022, 69).

Философ Ханс Георг Гадамер отмечал, что темнота поэзии Целана, особенно его поздних сборников, взывает к интерпретации: «...по причине своей искусно созданной непрозрачности и богатой многогранности иносказаний и намеков [позднее творчество Целана] буквально притягивает к себе стремление исследователей возобладать над трудностью этих текстов посредством скрупулезного подхода и применения научных знаний и методов» (Гадамер 2013, 96). Сам Гадамер при интерпретации первого цикла из «Поворота дыхания» придерживался имманентного подхода, отказываясь от привлечения интертекстуальных связей, биографического метода, многочисленных дискурсов (Gadamer 1989). Таким образом он пытался уйти от дешифровки стихотворения по принципу кроссворда.

Радикальный отказ от внешнего, случайного, «оказионального» (Гадамер 1988, 175–178), по Гадамеру, тем не менее едва ли может считаться методическим выбором, соответствующим поэтике Целана. В. Вёгербауэр предположил, что Целан обратил незначимость и маргинальность оказионального, как оно представлялось Гадамеру, в принципиально важную часть своей поэтики (Wögerbauer 2017, 14). По этой причине в статье использованы различные источники, которые выявляют внутреннее напряжение и многозначность, свойственные поэтике Целана. Любая трактовка также заведомо ограничивает стихотворение, пытаясь охватить его «таинство» с помощью слов, тем не менее внимание к «местам неопределенности» и «темноте» в стихотворении позволит избежать излишне узкой интерпретации.

Du darfst mich getrost
mit Schnee bewirten:
sooft ich Schulter an Schulter
mit dem Maulbeerbaum schritt durch den Sommer
schrie sein jüngstes
Blatt.

Ты можешь спокойно
угощать меня снегом:
всякий раз, когда плечом к плечу
с шелковицею шел я сквозь лето,
кричал надрывно самый юный ее
лист.

Перевод Марка Белорусца
(Целан 2013, 194–195)

Стихотворение, открывающее сборник, начинается с обращения к *Ты*. Согласно поэтологическому эссе «Меридиан», лишь через обращение может возникнуть поэзия: «Стихотворение тянется к *Другому*. Оно нуждается в этом *Другом*, нуждается в собеседнике. Оно разыскивает его, чтобы, обращаясь к нему, выговорить себя» (Целан 2013, 430). В отличие от некоторых стихотворений сборника, в которых *Ты* приданы какие-то черты⁵, в стихотворении «Du darfst mich getrost...» («Ты можешь спокойно...») *Ты* определено лишь отношением к *Я*. Это отношение двойственно: в нем *Я* и *Ты* взаимозависимы и неразделимы. С одной стороны, именно *Ты* является субъектом предложения, а *Я* — объектом. Более того, *Ты* является хозяином, принимающим гостей, а *Я* — гостем: глагол «bewirten» (угощать) восходит к существительному «der Wirt» (хозяин).

⁵ См., например, стихотворение «Ich kenne dich» / «Узнал тебя...» (Целан 2013, 210–211), где грамматически указан женский род *Ты*. Другие примеры см. (Lyon 1971, 115).

С другой стороны, субъектом говорения по определению является Я, которое к тому же дает Ты разрешение с помощью модального глагола «dürfen».

Первая часть (до двоеточия) грамматически указывает на настоящее время, однако очевидных событий в нем не происходит, лишь устанавливается ключевая связь Я — Ты, что соответствует определению настоящего в наследии Бубера: «Настоящее возникает только через дпящееся присутствие Ты» (Бубер 1995, 22). Многие исследователи, начиная с Гадамера, обращали внимание на очевидное противопоставление зимы и лета в первой и второй части, однако контраст этим не исчерпывается: субъекты соотношены с этим временем по-разному. Помимо того, что грамматическое время второй части является прошедшим, обозначена и повторяемость, однако она не совпадает с цикличностью времен года: повторение («sooftich <...> schritt durch den Sommer» / «всякий раз, когда <...> шел я сквозь лето») возможно лишь благодаря действию, движению Я, то есть во времени субъекта. Это время возникает лишь в совместном пути, оно существует в близости к другому — шелковице.

Предлог «durch» в четвертой строке («durch den Sommer» / «сквозь лето») не совсем типичен для передачи временной семантики в стандартном немецком^{*}, однако Целан часто использовал этот предлог и соответствующую глагольную приставку в различных значениях. Например, в «Бременской речи» «durch» использован в темпоральном значении, близком к пространственному: «...[das Gedicht] sucht, durch die Zeit hin durch zugreifen — durch sieh in durch, nicht über sieh in weg» (Celan 2000, Bd. 3, 186) / «[стихотворение] ищет способ прорваться сквозь время — пронизать его, а не проскользнуть над ним» (Целан 2013, 364).

Таким образом, предлог отсылает к парадигматической для поэзии Целана ситуации. Я, как и само стихотворение, не может быть вневременным (*zeitlos*), как это было бы свойственно Абсолютному Я, оно неизбежно находится во времени, соотношенном со временем Другого. Эта временная соотношенность также задает и некое направление движения: «[Стихотворение] одиноко, и оно в пути» (Целан 2013, 319). В первой же части стихотворения еще нет движения «сквозь» время, как и движения в целом:

снег указывает на зиму, но соприкосновение Я с зимой остается лишь потенциальным, зависимым от Ты, к которому Я обращается за другим временем еще до того, как сможет заговорить в своем.

Снег, которым Ты может угостить Я, представляет собой не просто указание на время года. Для Целана снег, начиная с ранних произведений, связан с образом матери, погибшей в концентрационном лагере (Girbig 2004, 126), а также косвенно с 20 января 1942 года, днем Ванзейской конференции, решение которой стало отправным пунктом Шоа (Joris 2014, 462). Как и в поэтике, охватывающей все творчество Целана (Keiling 2011, 185), неразрывное единство времени и пространства подчеркнуто: время отмерено шагами в пространстве текста. Снежные и ледяные ландшафты возникают несколько раз на протяжении цикла и сборника как пространства смерти и памяти.

In den Flüssen nördlich der Zukunft
werf ich das Netz aus, das du
zögernd beschwerst
mit von Steinen geschriebenen
Schatten.

В реках северной будущего
я забрасываю сети, а ты
медлишь, их отяжеляя
теньями
в записи камней.

Перевод Марка Белорусца
(Целан, 2013, 198–199).

В первой же строке время и пространство, точнее, не время и не место (Piszczatowski 2016, 370) неразрывно переплетены: в стихотворении нет однозначного указания на это, но естественно предположить, что реки, символ течения времени в европейской поэтической традиции, замерзли (Piszczatowski, 2016, 375). Такой остановки рек — времени — желает Люсиль, горящая о смерти мужа, в драме Георга Бюхнера (1813–1837) «Смерть Дантона» (1835): «Все движется, часы идут, <...> вода течет, все стремится дальше и дальше, пока наконец... Нет! Этого не должно случиться, нет, я сяду на землю и закричу так, чтобы все в испуге остановилось...»^{**} (Бюхнер 1935, 134). Крик Люсиль не останавливает время, в отличие от «противослова»

^{*} См., например, сравнительную статистику вхождений «durch den Sommer» и стандартного «im Sommer» в Google Books — различие в несколько порядков (Im Sommer, durch den Sommer... 2019).

^{**} См. о прямой интертекстуальной связи этой цитаты со стихотворением Целана «Ты лежишь в глубоком внимании...» (Duliegst, Целан, 250–251) в статье (Fußl 2007, 173). О влиянии творчества Георга Бюхнера на поэтическое и поэтологическое наследие Пауля Целана см. (Goltschnigg 2012, 304–308).

(*Gegenwort*)^{*}, которым стремится быть и поэзия Целана, поэтому в ней возможно движение к невозможному, к памяти *Другого* в остановке времени. В замерзших реках *Я* ловит нечто неуловимое — тени, которыми *Ты* нагружает сети, заброшенные *Я*. Сама ловля не гарантирует улов, это ожидание, которое подчеркнуто тем, что *Ты* «медлит».

В интерпретации, предложенной П. Пишчатовски, ландшафт — это «проекция собственной смерти *Я*» («eine Projektion des eigenen Todes des Ich»), которое такой ценой вступает в царство мертвых, чтобы нащупать в забвении воспоминание. Свою трактовку Пишчатовски также подкрепил цитатой из «Собрания сочинений» Вальтера Беньямина, где возникает тот же образ воспоминания, как рыбной ловли в реках памяти. Целан подчеркнул эту цитату в своем экземпляре книги (Piszczałowski 2016, 375).

Направленность к *Ты* при этом трактуют двояко: как погружение в себя, ожидание «непроизвольного воспоминания» (Беньямин 2004, 180), оставившего след в бессознательном, или обращение к мертвому или мертвой. Второе направление можно связать с традиционными образами утопленниц в европейской литературе. Этот мотив с начала XX века ассоциировали с вытесненным стремлением к *жуткому* и погружением в бессознательное (Seiderer 2002, 145–148). В стихотворении не проведены границы между внешним и внутренним, поскольку это не место, само существующее как «записанная тень».

Итак, в «Повороте дыхания» путь по снежному или ледяному ландшафту ведет к (не-)месту памяти и замершего времени. Возвращаясь обходным путем к стихотворению «Du darfst mich getrost...», допустимо утверждать, что и в нем зима и лето соотношены с временами года не как стадиями циклического времени: повторяющееся летнее событие, связанное с движением (шагом) *Я*, противопоставлено снежному невремени и при этом неразрывно связано с ним. Обращение *Я* к *Ты* и здесь предполагает некоторое ожидание действия со стороны *Ты*, вероятно, отсутствующего, мертвого. Именно это ожидание является точкой отсчета для речи. Одновременно в этой точке *Я* стремится к немоте: угощенный снегом едва ли может говорить, он может лишь принять невыговариваемое как дар от *Ты* и заполнить рот этим снегом, а не словами. Язык свидетельствует о немоте, о человеческом существе, лишенном языка.

Во второй части стихотворения словом, которое притягивает внимание интерпретаторов, стало название растения (*Maulbeerbaum*). Марк Белорусец перевел его как шелковица, которую еще называют тутовым деревом или тутовником, но возможны и ассоциации с сикомором (*Maulbeerfeige*) (Gellhaus 1995). Гадамер указывал на необычайную витальность этого растения, которое на протяжении всего лета выпускает свежие листья, а кроме того, на этимологию («Maul» — от нем. «рот, пасть») (Gadamer 1989, 16). Другие свойства растения, которые могли бы стать значимыми для толкования, — это применение шелковицы как лекарственного растения против боли в горле и при проблемах со зрением (Schmid 2023, 1), или ее роль в производстве шелка, а также использование листьев бумажной шелковицы (*Papiermaulbeerbaum*) для изготовления бумаги, что дает основание для метапоэтических интерпретаций (Yang 2017, 154).

А. Гельхаус детально рассмотрел ассоциации, которые это растение может вызывать в рамках иудейской и каббалистической традиции (Gellhaus 1995, 340–341), а Р. Бюхер указал на черновом варианте, где присутствовала менора — подсвечник, символически связанный в иудаизме с мировым деревом, деревом жизни (Bücher 1987, 101–103). В комментарии к переводу сборника «Поворот дыхания» на английский язык поэт П. Жорис в полемике с исследователями, которые настаивают на трактовке стихотворения в рамках еврейско-иудейской традиции, предложил рассматривать растение и в связи с другими культурами. Например, если обращаться к древнегреческой мифологии, тутовое дерево служило назначенным местом встречи влюбленных Пирама и Фисбы (Joris 2014, 463). Их история стала прообразом двойного самоубийства Ромео и Джульетты. Пирам, по ошибке подумавший, что Фисба умерла, заколол себя, а Фисба, увидя умирающего возлюбленного, совершила самоубийство вслед за ним. По легенде, их кровь окрасила плоды тутовника красным цветом (Schmitzer 2017, 5–7).

Подобно эссе «Меридиан», в этом стихотворении невозможно отличить цитату или отсылку к другому произведению от «авторского» текста. Стихотворение в своей краткости не дает оснований для выбора в пользу одного из толкований, будь то интерпретация с опорой на интертекстуальную связь или на сведения о свойствах растения. Корпус текстов Целана также не дает возможности установить ключевое символическое значение растения: слово «шелковица» возникает лишь в одном раннем

^{*} О «противослове», или «Слове-наперекор» см. подробнее в поэтологическом эссе «Меридиан» (Целан 2013, 424).

стихотворении из первого сборника «Песок из урн»^{*}. Читатель, столкнувшийся с названием растения при первом прочтении, оставлен один на один с тайной слова, которое сопротивляется однозначной трактовке благодаря многообразию ассоциаций, не сводимых к общему знаменателю, и сохраняет свою темноту. Такой читательский опыт распространяется и на стихотворение в целом: двоеточие, соединяющее две части, обещает объяснение причинно-следственной связи, однако эта связь как минимум не очевидна (Peters 1994, 130).

Неоднозначность также побуждает обратить внимание на слово как фонетическое явление, или, возможно, именно необычное звучание заставляет обратить на него внимание. Если в остальных словах в стихотворении «Du darfst mich getrost...» звонкие согласные чередуются с аллитерирующими глухими звуками [t], [ʃ], то согласные в слове *Maulbeerbaum* либо сонорные, либо звонкие, то есть требующие использования голоса. При этом четыре из пяти согласных губно-губные: на звуке [m] губы смыкаются, на взрывном [b] — размыкаются. Это движение губ особенно важно с учетом того, что в иврите слово, обозначающее губу, также имеет значение «язык» (Maslon 2012, 29) в лингвистическом смысле, и этот факт традиционно используют для трактовки поэзии Целана.

Смыкание и размыкание губ — движения встречи и расхождения, в некотором смысле встречи двух губ как двух «идиом». Гласные же — два дифтонга и долгая гласная с вокализацией — образуют «зияния», как их охарактеризовал М. Коноваленко по отношению к слову «баобаб» (Коноваленко 2022, 191), в статье «об одной маленькой целановской нелепости». Он отверг любые возможные интертекстуальные связи, обозначил ключевую роль случайности, почти абсурдности в таком контексте и потому единичности «баобаба», и сосредоточился на «колокольном стыке гласных» «а — о — а», сходном с «О Аониды» Осипа Мандельштама (Коноваленко 2022, 195–196). По Д. Агамбену, именно случайность языка является залогом возможности свидетельства, поскольку существует с учетом постоянного риска не-бытия: «Случайность является возможным, подвергнутым испытанию субъектом» (Агамбен 2012, 154).

Это зияние, «вibrато, провал между звуками, <...> цезуру» (Коноваленко 2022, 195–196) в строке Мандельштама Целан охарактеризовал как «напряженное, в струну растянутое отношение двух времен, собственного времени и чужого»

(Коноваленко 2022, 197). Если в стихотворении где-то и происходит встреча, то не в первых строках, в которых звучит обращение, а в звучании слова *Maulbeerbaum*, но эта встреча была бы невозможна без обращения к чему-то или кому-то, кто не имеет голоса. Именно угроза немoty и одновременно желание приблизиться к ней приводит в поэтическом тексте к утверждению другой невозможности слова: к крику.

А. Гельхаус утверждал, что этот крик «соответствует восприятию Я» (Gellhaus 1995, 338), то есть является порождением субъективного беспокойства, возможно, даже безумия субъекта. Так, например, Дантон в пьесе Бюхнера слышит страшные крики со всех сторон, напоминающие об убийствах, которые он совершил во имя революции, о ее дате — сентябре (Бюхнер 1935, 83–85). Однако рядом с Дантоном находится Жюли, которая слышала крик от него самого: таким образом, ужас по крайней мере частично интериоризирован, приписан субъекту. В стихотворении Целана, напротив, крик становится пусть и логически темным аргументом связи Я и Ты. В ландшафтах поэзии Целана невозможно говорить о субъективном и объективном: крик существует в языке, который определен обращенностью к Ты, а значит, по определению не может быть лишь порождением Я. Стихотворение по крайней мере содержит надежду на такое Ты, для которого очевидно, в свете какой катастрофы звучит этот крик.

И все же процесс интерпретации, выявляющий пределы ее возможностей, оставляет открытым вопрос, с кем или с чем происходит встреча. Та редукция, к которой прибегал Целан в поздних сборниках, приводит к тому, что слово, не связанное привычными контекстами, теряет связь с каким-либо конкретным визуальным представимым референтом. Дерево предстает антропоморфным: Я идет с ним «плечом к плечу». Сопоставление дерева и человека неоднократно возникает в поэзии Целана, однако ни конкретное сходство, ни различие установить не удается: человека и растение разделяет и соединяет неуловимый *différance*. Под вопрос поставлено *Человеческое* (Лаку-Лабарт 2015, 62–63) само по себе, как таковое.

Образ шагающего дерева вновь вызывает различные интертекстуальные ассоциации^{**}, однако самая общая ассоциация указывает на оторванность от земли, лишенность корней. В свою очередь, Я через соотнесенность с деревом приобретает черты бездомного путника. За счет

^{*} См. стихотворение «Der Einsame» (Celan 2018, 19).

^{**} Возможны ассоциации с Бирнамским лесом из «Макбета», см. (Joris 2014, 463; Peters 1994, 132).

мерцающего антропоморфизма и крик «самого юного листа» напоминает о человеческом рождении, что не отменяет ощущения *жуткого*, которое возникает от странного двойничества.

Голос звучит лишь в присутствии слушающего: он раздавался «каждый раз» лишь при условии того, что *Я* шел рядом. Шаг фонетически также становится условием крика: *schrift* (шел) переходит в *schrie* (кричал), причем это происходит при почти неощутимом присутствии *Ты* (*Du*): «*schrift durch*»^{*}. Сверх того, едва уловимая пронызывающая речь, надежда на возможное присутствие *Ты* задана настойчивой аллитерацией на [t] / [d] на протяжении всего стихотворения.

Лишь в свете обращения к *Ты* возможен сам путь, возможна поэтическая речь, а «для стихотворения, устремленного к *Другому*, всякий предмет и каждый человек — образ этого *Другого*» (Целан 2013, 430). И если во второй части, где *Я* существует во времени, *Ди* стоит с заглавной буквы, то невозможно сказать, почему изначальное *Ди* написано с заглавной: поскольку является началом предложения или само по себе. Нередко заглавная буква отсылает к мистическим корням философии *Другого* и указывает на божественность *Ты*, в стихотворении же соотнесенность *Ты* с божественным остается под вопросом.

Итак, *Я* и *Ты* в стихотворении определены лишь отношением. *Я* существует во времени, но обращено в не время *Ты*. Эта обращенность возможна, поскольку во времени *Я* уже присутствует *Ты*, и именно это присутствие делает *Я* способным воспринимать крик внутри жизни и внутри языка. *Ты* связано со снегом, который в поэтике Целана ассоциирован с утратой, а также не местом памяти. *Я* находится в пути, в движении, которое не обязательно приведет к *Ты*, но которое направлено к *Ты*. При этом возможность направленности к божественному в пределе устойчиво остается под вопросом. Обращение к *Ты* также не ведет к истоку речи — лишь в не место молчания, обрывая времени. *Ты* невыговариваемо, однако в речи, направленной к *Другому*, являющейся обращением, *Ты* может присутствовать тайно.

Язык индивидуален, поскольку рождается лишь в событии стихотворения, в момент, когда в настоящем *Я* возникает время *Другого*, время *Ты*. Слова за счет редукции и языковой игры не открываются полностью, сохраняют темноту и поэтому могут вести к некоей встрече. Для читателя это одновременно означает

постоянную деавтоматизацию восприятия, многообразии способов интерпретации и внимание к слову как слову, в том числе как фонетическому явлению, которому читатель дарит свой голос, свое дыхание.

Для научных наблюдений за изменениями поэзии в XX веке поэтологически ориентированные стихотворения Целана, рассмотренные сквозь призму философии диалога наследия Мартина Бубера и Эммануэля Левинаса, открывают уникальные возможности: с большей полнотой осмыслить поэзию как взаимодействие голосов. Это позволяет увидеть, какие воплощения находит в литературе постепенное переосмысление субъективности и субъектности, как неразрывно связано оно с размышлениями о языке, как тесно переплетены в наше время пути литературы, философии и литературоведения.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Исследование было проведено А. К. Головановой под научным руководством Ю. В. Каминской. Направление работы было сформулировано в ходе совместных обсуждений. Ю. В. Каминскаяверяла логику и структуру текста, в частности, добавила к нему введение и заключение, а также отбирала секундарную литературу, правила стилистики. А. К. Голованова выстраивала композицию работы, искала источники и писала текст под руководством соавтора.

Author Contributions

The study was conducted by A. K. Golovanova under the research supervision of Yu. V. Kaminskaja. The focus of the study was shaped in the course of discussions between the authors. Yu. V. Kaminskaja adjusted the logic and structure of the text (in particular, by writing the introduction and conclusion sections), selected secondary literature and ensured stylistic consistency. A. K. Golovanova developed the structure of the work, searched for sources and wrote the text as advised by Yu. V. Kaminskaja.

* О легитимности подобных приемов при чтении Целана см. (Tucker 2013, 262).

Источники

- Бюхнер, Г. (1935) *Сочинения*. М.; Ленинград: Academia, 400 с.
- Целан, П. (2013) *Стихотворения. Проза. Письма*. М.: Ad Marginem, 736 с.
- Celan, P. (2018) *Die Gedichte: Neue kommentierte Gesamtausgabe. Mit den zugehörigen Radierungen von Gisèle Celan-Lestrange*. Berlin: Suhrkamp Publ., 1262 p.
- Celan, P. (2000) *Gesammelte Werke in sieben Bänden. Bd. III. Gedichte III. Prosa. Reden*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Publ., 233 p.

Литература

- Агамбен, Д. (2012) *Ното sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель*. М: Европа, 192 с.
- Беневич, Г. (1998) Слово о Левинасе. В кн.: *Время и другой*. СПб.: Высшая Религиозно-Философская Школа, с. 10–17.
- Беньямин, В. (2004) Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма. В кн.: Беньямин, В.; Белобратов, А. В. (ред.) *Маски времени. Эссе о культуре и литературе*. СПб.: Симпозиум, с. 47–234.
- Бубер, М. (1995) Я и Ты. В кн.: *Два образа веры*. М.: Республика, с. 15–92.
- Бубер, М. (2008) Изреченное слово. *Личность. Культура. Общество*, т. 10, № 2 (41), с. 19–26.
- Гадамер, Х.-Г. (1988) *Истина и метод. Основы философской герменевтики*. М.: Прогресс, 705 с.
- Гадамер, Х.-Г. (2013) Феноменологический и семантический подход к Целану? *Horizon. Феноменологические исследования*, т. 2, № 2, с. 96–105.
- Гегель, Г. (1971) *Эстетика: в 3 т. Т. 3*. М.: Искусство, 621 с.
- Евстропов, М. Н. (2010) Эмманюэль Левинас: «лицо» как абсолютное выражение. *Известия Томского политехнического университета*, т. 317, № 6, с. 101–106.
- Каминская, Ю. В. (2023) Поэзия и интерпретация. *YouTube*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLcsjsqLLSfNBg2GjaajzqYQSEi_LdwpV (дата обращения 22.10.2023).
- Коноваленко, М. (2022) Мандельштам и Баобаб (Etwas Ungereimtes: Об одной маленькой целановской нелепости). *Новое литературное обозрение*, № 173, с. 191–197.
- Лаку-Лабарт, Ф. (2015) *Поэзия как опыт. О творчестве Пауля Целана*. М.: Три квадрата, 192 с.
- Левинас, Э. (1998) Время и другой. В кн.: *Время и другой*. СПб.: Высшая Религиозно-Философская Школа, с. 21–119.
- Левинас, Э. (2000) Тотальность и бесконечное. В кн.: *Избранное. Тотальность и бесконечное*. М.; СПб.: Университетская книга, с. 66–291.
- Померанц, Г. С. (1995) Встречи с Бубером. В кн.: *Два образа веры*. М.: Республика, с. 3–14.
- Bücher, R. (1987) Erfahrenes Sprechen — Leseversuch an Celan-Entwürfen. In: A. D. Colin (ed.). *Argumentum e Silentio. International Paul Celan Symposium*. Berlin; New York: De Gruyter Publ., pp. 99–112. <https://doi.org/10.1515/9783110850109.99>
- Fußl, I. (2007) Jewish history and memory in Paul Celan's "DU LIEGST". *Studies in 20th & 21st Century Literature*, vol. 31, no. 1, article 8. <https://doi.org/10.4148/2334-4415.1648>
- Gadamer, H.-G. (1989) *Wer bin Ich und wer bist Du? Kommentar zu Celans „Atemkristall“*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Publ., 155 p.
- Gellhaus, A. (1995) *Enthusiasmus und Kalkül. Reflexionen über den Ursprung der Dichtung*. München: Fink Publ., 390 p.
- Girbig, A. (2004) "Die Abgründe sind / eingeschworen auf Weiß." Erinnerung und Dialog. Bemerkungen zum Motiv des Schnees in Gedichten Paul Celans. *Cahiers d'Études Germaniques*, vol. 47, no. 2, pp. 123–136.
- Goltschnigg, D. (2012) Das "Gegenwort" — Georg Büchner. In: M. May, P. Goßens, J. Lehmann (eds.). *Celan Handbuch. Leben—Werk—Wirkung*. Stuttgart; Weimer: Verlag J. B. Metzler, pp. 304–308.
- Im Sommer, durch den Sommer: Statistical comparison 1800–2019. (2019) *Google Books Ngram Viewer*. [Online]. Available at: https://books.google.com/ngrams/graph?content=im+Sommer%2C+durch+den+Sommer&year_start=1800&year_end=2019&corpus=de-2019&smoothing=3 (accessed 01.08.2023).
- Joris, P. (2014) Commentary. In: *Breathturn into timestead: The collected later poetry: A bilingual edition*. New York: Farrar, Straus and Giroux Publ., pp. 459–628.
- Keiling, T. (2011) Ort und Zeit im Meridian. Heidegger in Derridas Celan-Interpretation. In: D. Espinet (ed.). *Schreiben. Dichten. Denken. Zu Heideggers Sprachbegriff*. Frankfurt am Main.: Vittorio Klostermann Publ., pp. 177–195.
- Lyon, J. K. (1971) Paul Celan and Martin Buber: Poetry as Dialogue. *Publications of the Modern Language Association of America*, vol. 86, no. 1, pp. 110–120. <https://doi.org/10.2307/461008>
- May, M. (2012) Atemwende. In: M. May, P. Goßens, J. Lehmann (eds.). *Celan Handbuch. Leben—Werk—Wirkung*. Stuttgart; Weimer: Verlag J. B. Metzler, pp. 89–98.
- Maslon, S. (2012) *Stating the Obvious: Celan—Beckett—Nauman*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego Publ., 123 p.

- Peters, P. (1994) Geschwindigkeiten des Wortes: Tracing Celan's Metaphor. *Seminar: A Journal of Germanic Studies*, vol. 30, no. 2, pp. 127–136.
- Piszczatowski, P. (2016) In den Flüssen nördlich der Zukunft—Nordische Landschaften in Gedichten von Paul Celan. In: M. Tarvas, F. H. Marten, A. Johanning-Radzienė et al. (eds.). *Triangulum. Germanistisches Jahrbuch 2015 für Estland, Lettland und Litauen*. Vilnius: Vilnius Academy of Fine Arts Press, 606 p.
- Poetry in Transition 2019–2022*. (2022) [Online]. Available at: <https://lyrik-in-transition.uni-trier.de/?lang=en> (accessed 07.10.2023).
- Rychlo, P. (2022) *Stationen poetischer Entwicklung: Paul Celans Gedichtbände in chronologisch-historischer Folge*. Göttingen: V&R Unipress, 131 p.
- Schmid, J. K. (2023) *Pharmazeutische Aspekte von Morus alba. Diplomarbeit zur Erlangung des akademischen Grades einer Magistra der Pharmazie*. Graz: Karl-Franzens-Universität Graz Publ., 55 p.
- Schmitzer, U. (2017) Pyramus der Narr — Christus Pyramus. Ovid malt die Sage von Pyramus und Thisbe. *Gymnasium*, no. 124, pp. 529–560. <https://doi.org/10.11588/propylaeumdok.00004814>
- Seiderer, U. (2002) Körper unter Wasser. Die illegitime Geste der Fiktion—Flussleichen des 20. Jahrhunderts: Georg Heym, Paul Celan, Peter Szondi. *Recherches Germaniques*, no. 32, pp. 145–185.
- Stahl, H. (2016) *Gedichte schreiben in Zeiten der Umbrüche. Tendenzen der Lyrik seit 1989 in Russland und Deutschland*. Leipzig: BiblionMedia Publ., 676 p.
- Tucker, B. (2013) Rebuke: From trope to event in Paul Celan's "Zähle die Mandeln". *The German Quarterly*, vol. 86, no. 3, pp. 257–274.
- Waldenfels, B. (2004) Levinas and the face of the other. In: S. Critchley, R. Bernasconi (eds.). *The Cambridge Companion to Levinas*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 63–81.
- Wögerbauer, W. (2017) Anmerkungen zur Stigmatisierung des Privaten in der Celan-Forschung. *Geschichte der Germanistik. Historische Zeitschrift für die Philologien*, no. 51–52, pp. 5–15.
- Yang, Y. (2017) *Durch einen Gestuswandel gestaltgewordene Sprache: Celan-Studie mit einer Fokussierung auf den Atemwende-Gedichtband. PhD dissertation (Philosophy)*. Aachen, Westfälischen Technischen Hochschule Aachen, 225 p.

Sources

- Büchner, G. (1935). *Sochineniya [Collected Works]*. Moscow; Leningrad: Academia Publ., 400 p. (In Russian)
- Celan, P. (2018) *Die Gedichte. Neue kommentierte Gesamtausgabe. Mit den zugehörigen Radierungen von Gisèle Celan-Lestrange [The poems. New annotated complete edition. With the associated etchings by Gisèle Celan-Lestrange]*. Berlin: Suhrkamp Publ., 1262 p. (In German)
- Celan, P. (2000) *Gesammelte Werke in sieben Bänden. Bd. III. Gedichte III. Prosa. Reden [Collected works in seven volumes. Vol. III. Poems III. Prose. Talk]*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Publ., 233 p. (In German)
- Celan, P. (2013) *Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma [Poems. Prose. Letters]*. Moscow: Ad Marginem Publ., 736 p. (In Russian)

References

- Agamben, G. (2012) *Homo Sacer. Chto ostaetsya posle Osventsima: arkhiv i svidetel' [Homo Sacer. Quel Che Resta di Auschwitz: L'archivio e il Testimone]*. Moscow: Evropa Publ., 192 p. (In Russian)
- Benevich, G. (1998) Slovo o Levinase [A word about Lévinas]. In: *Vremya i drugoj [Le Temps et L'autre]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg School of Religion and Philosophy Publ., pp. 10–17. (In Russian)
- Benjamin, W. (2004) Sharl' Bodler. Poet v epokhu zrelogo kapitalizma [Charles Baudelaire: A Lyric Poet in the Era of High Capitalism]. In: *Maski vremeni. Esse o kul'turei literature [Masks of Time: Essays on culture and literature]*. Saint Petersburg: Symposium Publ., pp. 47–234. (In Russian)
- Buber, M. (1995) Ya i Ty [Me and You]. In: *Dva obraza very [Two Images of Faith]*. Moscow: Respublika Publ., pp. 15–92. (In Russian)
- Buber, M. (2008) Izrechennoe slovo [The word, has been uttered]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo — Personality. Culture, Society*, vol. 10, no. 2 (41), pp. 19–26. (In Russian)
- Bücher, R. (1987) Erfahrenes Sprechen — Leseversuch an Celan-Entwürfen. In: A. D. Colin (ed.). *Argumentum e Silentio. International Paul Celan Symposium*. Berlin; New York: De Gruyter Publ., pp. 99–112. <https://doi.org/10.1515/9783110850109.99> (In German)
- Evstropov, M. N. (2010) Emman'yuel' Levinas: "litso" kak absolyutnoe vyrazhenie [Emmanuel Lévinas: "Face" as absolute expression]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta — Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, vol. 317, no. 6, pp. 101–106. (In Russian)
- Fußl, I. (2007) Jewish history and memory in Paul Celan's "DU LIEGST". *Studies in 20th & 21st Century Literature*, vol. 31, no. 1, article 8. <https://doi.org/10.4148/2334-4415.1648> (In English)
- Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod. Osnovy filosofskoj germenevtiki [Truth and Method. Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]*. Moscow: Progress Publ., 705 p. (In Russian)

- Gadamer, H.-G. (1989) *Wer bin Ich und wer bist Du? Kommentar zu Celans „Atemkristall“* [Who am I and who are you? Commentary on Celan's "Breathing Crystal"]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Publ., 155 p. (In German)
- Gadamer, H.-G. (2013) Fenomenologičeskij i semantičeskij podkhod k Tselanu? [Phenomenological and semantic approaches to Paul Celan?] *Horizon. Fenomenologičeskie issledovaniya — Horizon. Studies in Phenomology*, vol. 2, no. 2, pp. 96–105. (In Russian)
- Gellhaus, A. (1995) *Enthusiasmus und Kalkül. Reflexionen über den Ursprung der Dichtung* [Enthusiasm and calculation. Reflections on the origins of poetry]. München: Fink Publ., 390 p. (In German)
- Girbig, A. (2004) "Die Abgründe sind / eingeschworen auf Weiß." Erinnerung und Dialog. Bemerkungen zum Motiv des Schnees in Gedichten Paul Celans ["The abysses are / sworn to white." Memory and dialogue. Comments on the motif of snow in Paul Celan's poems]. *Cahiers d'Études Germaniques*, vol. 47, no. 2, pp. 123–136. (In German)
- Goltschnigg, D. (2012) Das "Gegenwort" — Georg Büchner [The "Counterword" — Georg Büchner]. In: M. May, P. Goßens, J. Lehmann (eds.). *Celan Handbuch. Leben—Werk—Wirkung* [Celan manual. Life—Work—Effect]. Stuttgart; Weimer: Verlag J. B. Metzler, pp. 304–308. (In German)
- Hegel, G. (1971) *Eстетика: v 3 t. T. 3* [Aesthetics: In 3 Vols. Vol. 3]. Moscow: Iskusstvo Publ., 621 p. (In Russian)
- Im Sommer, durch den Sommer: Statistical comparison 1800–2019. (2019) *Google Books Ngram Viewer*. [Online]. Available at: https://books.google.com/ngrams/graph?content=im+Sommer%2C+durch+den+Sommer&year_start=1800&year_end=2019&corpus=de-2019&smoothing=3 (accessed 01.08.2023). (In English)
- Joris, P. (2014) Commentary. In: *Breathturn into timestead: The collected later poetry: A bilingual edition*. New York: Farrar, Straus and Giroux Publ., pp. 459–628. (In English)
- Kaminskaya, Yu. V (2023). Poeziya i interpretatsiya [Poetry and interpretation]. *YouTube*. [Online]. Available at: https://www.youtube.com/playlist?list=PLcsjsqLLSfNBg2GjaajzqyYQSEi_LdwpV (accessed 22.10.2023). (In Russian)
- Keiling, T. (2011) Ort und Zeit im Meridian. Heidegger in Derridas Celan-Interpretation [Place and time in the meridian. Heidegger in Derrida's interpretation of Celan]. In: D. Espinet (ed.). *Schreiben. Dichten. Denken. Zu Heideggers Sprachbegriff* [Write. Dense. Think. On Heidegger's concept of language]. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Publ., pp. 177–195. (In German)
- Konovalenko, M. (2022) Mandel'shtam i Baobab (Etwas Ungereimtes: Ob odnoj malen'koj tselanovskoj neleposti) [Mandelstam and the Baobab (Etwas Ungereimtes: On one small celan absurdity)]. *Novoe literaturnoe obozrenie — New Literary Observer*, no. 173, pp. 191–197. (In Russian)
- Lacoue-Labarthe, P. (2015) *Poeziya kak opyt. O tvorčestve Paulya Tselana* [Poetry as Experience: On the Work of Paul Celan]. Moscow: Tri kvadrata Publ., 192 p. (In Russian)
- Lévinas, E. (1998) Vremya i drugoj [Le Temps et L'autre]. In: *Vremya i drugoj [Le Temps et L'autre]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg School of Religion and Philosophy Publ., pp. 21–119 (In Russian)
- Lévinas, E. (2000) Total'nost' i beskonechnoe [Totality and Infinity: An Essay on Exteriority]. In: *Izbrannoe. Total'nost' i beskonechnoe [Selected Works. Totality and Infinity]*. Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., pp. 66–291. (In Russian)
- Lyon, J. K. (1971) Paul Celan and Martin Buber: Poetry as Dialogue. *Publications of the Modern Language Association of America*, vol. 86, no. 1, pp. 110–120. <https://doi.org/10.2307/461008> (In English)
- May, M. (2012) Atemwende [Breathing turn]. In: M. May, P. Goßens, J. Lehmann (eds.). *Celan Handbuch. Leben—Werk—Wirkung* [Celan manual. Life—Work—Effect]. Stuttgart; Weimer: Verlag J. B. Metzler, pp. 89–98. (In German)
- Maslon, S. (2012) *Stating the Obvious: Celan—Beckett—Nauman*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego Publ., 123 p. (In English)
- Peters, P. (1994) Geschwindigkeiten des Wortes: Tracing Celan's Metaphor [Speeds of the Word: Tracing Celan's Metaphor]. *Seminar: A Journal of Germanic Studies*, vol. 30, no. 2, pp. 127–136. (In German)
- Piszczatowski, P. (2016) In den Flüssen nördlich der Zukunft—Nordische Landschaften in Gedichten von Paul Celan [In the rivers north of the future—Nordic landscapes in poems by Paul Celan]. In: M. Tarvas, F. H. Marten, A. Johanning-Radžienė et al. (eds.). *Triangulum. Germanistisches Jahrbuch 2015 für Estland, Lettland und Litauen [Triangulum. German Studies Yearbook 2015 for Estonia, Latvia and Lithuania]*. Vilnius: Vilnius Academy of Fine Arts Press, 606 p. (In German)
- Poetry in Transition 2019–2022*. (2022) [Online]. Available at: <https://lyrik-in-transition.uni-trier.de/?lang=en> (accessed 07.10.2023). (In English)
- Pomerants, G. S. (1995) Vstrechi s Buberom [Encounters with Buber]. In: *Dva obraza very [Two Images of Faith]*. Moscow: Respublika Publ., pp. 3–14. (In Russian)
- Rychlo, P. (2022) *Stationen poetischer Entwicklung: Paul Celans Gedichtbände in chronologisch-historischer Folge* [Stations of poetic development: Paul Celan's volumes of poetry in a chronological-historical sequence]. Göttingen: V&R Unipress, 131 p. (In German)
- Schmid, J. K. (2023) *Pharmazeutische Aspekte von Morus alba. Diplomarbeit zur Erlangung des akademischen Grades einer Magistra der Pharmazie* [Pharmaceutical aspects of Morus alba. Diploma thesis to obtain the academic degree of a master's degree in pharmacy]. Graz: Karl-Franzens-Universität Graz Publ., 55 p. (In German)

- Schmitzer, U. (2017) Pyramus der Narr — Christus Pyramus. Ovid malt die Sage von Pyramus und Thisbe [Pyramus the Fool—Christ Pyramus. Ovid paints the legend of Pyramus and Thisbe]. *Gymnasium*, no. 124, pp. 529–560. <https://doi.org/10.11588/propylaeumdok.00004814>. (In German)
- Seiderer, U. (2002) Körper unter Wasser. Die illegitime Geste der Fiktion—Flussleichen des 20. Jahrhunderts: Georg Heym, Paul Celan, Peter Szondi [Body under water. The Illegitimate Gesture of Fiction—River Corpses of the 20th Century: Georg Heym, Paul Celan, Peter Szondi]. *Recherches Germaniques*, no. 32, pp. 145–185. (In German)
- Stahl, H. (2016) *Gedichte schreiben in Zeiten der Umbrüche. Tendenzen der Lyrik seit 1989 in Russland und Deutschland* [Writing poems in times of upheaval. Trends in poetry since 1989 in Russia and Germany]. Leipzig: BibliMedia Publ., 676 p. (In German)
- Tucker, B. (2013) Rebuke: From trope to event in Paul Celan's "Zähle die Mandeln". *The German Quarterly*, vol. 86, no. 3, pp. 257–274. (In English)
- Waldenfels, B. (2004) Levinas and the face of the other. In: S. Critchley, R. Bernasconi (eds.). *The Cambridge Companion to Levinas*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 63–81. (In English)
- Wögerbauer, W. (2017) Anmerkungen zur Stigmatisierung des Privaten in der Celan-Forschung [Comments on the stigmatization of the private sphere in Celan research]. *Geschichte der Germanistik. Historische Zeitschrift für die Philologien*, no. 51–52, pp. 5–15. (In German)
- Yang, Y. (2017) *Durch einen Gestuswandel gestaltgewordene Sprache: Celan-Studie mit einer Fokussierung auf den Atemwende-Gedichtband* [Language shaped by a change in gesture: Celan study with a focus on the Breath Turn volume of poems]. PhD dissertation (Philosophy). Aachen, Westfälischen Technischen Hochschule Aachen, 225 p. (In German)

Сведения об авторах

Анастасия Константиновна Голованова, e-mail: anastasiya.golovanova_spsl_nsc@mail.ru
Младший научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук

Юлиана Владимировна Каминская, SPIN-код: 4387-7003, e-mail: kaminskaspb@gmail.com
Кандидат филологических наук, независимый исследователь

Authors

Anastasiya K. Golovanova, e-mail: anastasiya.golovanova_spsl_nsc@mail.ru
Junior researcher, State Public Scientific and Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Yuliana V. Kaminskaja, SPIN-код: 4387-7003, e-mail: kaminskaspb@gmail.com
Candidate of Sciences (Philology), Independent researcher